

Б. С. БУТНИК-СИВЕРСКИЙ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ НА КИЕВЩИНЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Среди многочисленных материалов Киевской губернской палаты государственных имуществ нам удалось обнаружить ряд документов, дающих возможность осветить некоторые вопросы истории украинского народного жилища. Это — описи недвижимого имущества помещичьих имений, экономий, частновладельческих хозяйств, крестьянских дворов и государственных имений, составленные с фискальными целями в 1802—1863 гг.¹ Описи составлены чиновниками палаты и отличаются различной степенью полноты и различным качеством. Однако каждая из них дает определенное представление о состоянии сельского строительства в первой половине XIX в. Здесь же мы находим данные о строительных материалах и строительных приемах. Во многих документах указано количество различных материалов, использованных при возведении того или иного сооружения. В одном из документов приведен полный перечень всех материалов, с указанием всех размеров и качества, как это положено для материальной сметы. При этом в большинстве документов, написанных по-русски, сохранена украинская народная терминология.

Несмотря на то, что описи охватывают все группы сельских домовладений, следует отметить, что в основном они характеризуют жилищное и хозяйственное строительство помещиков различного достатка: от графского имения с его многочисленными экономиями до усадьбы мелкого помещика, потерявшего все, кроме усадьбы. Материал этот представляет большую ценность для историка архитектуры, а с этнографической точки зрения он важен в том отношении, что позволяет установить прямое влияние народной строительной техники на усадебную архитектуру.

Два дела посвящены описанию изб и дворов крепостных крестьян. По одному из них можно восстановить довольно полную картину жилищных условий 15 семейств крепостных крестьян местечка Оратово Липовецкого уезда; другое относится к селу Лысянский Пригородок Звенигородского уезда. Хотя оба эти описания более скупы, чем описания помещичьих усадеб и имений, однако и в них мы находим интересные данные по истории крестьянского жилища первой половины XIX в.

Из описания недвижимого имущества крепостных крестьян, проживавших в местечке Оратово и принадлежавших помещику Малиновскому, мы узнаем, что две крепостные семьи — братьев Хоменко — жили сообща в одной хате, что двое стариков Колосов совсем не имели своей хаты и жили у своего зятя Кульбаченко, что семья Шевчуков, состоявшая из семи душ, также была бездомна и жила у чужих людей. Бездомными оказались и четверо «дворовых людей», когда имение Малиновского было конфисковано в пользу государства. Таким образом, из 88 человек крепостных 18 не имели своего жилья. Материалы показывают, что в одной хате жило от 4 до 12 человек.

Чтобы дать представление о степени скученности в крестьянских хагах Оратова, укажем, что только один Хоменко имел «хату на дві половини», т. е. хату со «світлицею» через сени, а у Кульбаченко была хата с коморой через сени; все остальные хозяева обладали хатами, при которых были только сени, и лишь у одного из таких владельцев часть сеней была отгорожена под «комірчину».

Еще ярче выступает имущественная дифференциация при рассмотрении надворных хозяйственных сооружений. У Хоменко, собственника «хати на дві половини», во дворе стояли две коморы, хлев, загон для скота и две клуны; очевидно, каждый из братьев имел свою отдельную комору и клуню и лишь загон для скота был у них общий. Чтобы разместить все эти постройки, нужно было иметь довольно обширный двор. Но это был двор самого зажиточного крестьянина в Оратове. Все остальные дворы были значительно беднее. У крестьянина Кульбаченко во дворе, кроме хаты, стояли: хлев, сарай и клуня, у Ходака — два сарая и клуня, у Семчука — только клуня, у двух крестьян — только по хлеву, у четырех других никаких хозяйственных сооружений вообще не было.

¹ ЦГИА УССР, ф. Киевской палаты гос. имуществ, Люстрационный отдел, 1840 г., д. 21; 1844 г., дд. 194, 201, 205, 457; 1852 г., д. 570; по конфискации имуществ: 1863 г., дд. 3, 4; по хозяйственному отделу, 3-й стол: 1852 г., д. 2, ч. II; 1853 г., д. 3, ч. III.

Таким образом, опись Оратова свидетельствует, что уже в первой половине XIX в. классовое расслоение, происходившее среди крепостных крестьян, достаточно ярко отразилось в сельском жилищном и хозяйственном строительстве.

Не менее наглядно прослеживается это расслоение по материалам описи хат и дворов крепостных Лысянского Пригородка. Это село по всем признакам было богаче местечка Оратова. Здесь зарегистрирована одна хата на две половины с тремя комнатами, с коморой при ней и с сенями. По основанию эта хата имеет 8 саж. в длину и 2 саж. 1 арш. в ширину; в ней две печи, две грубки, две кирпичные трубы, выведенные над крышей. Другие две хаты также построены на две половины с «светлицами», с сенями, с двумя варистыми печами и двумя грубками, на 6 и на 5 окон, при четырех дверях каждая. Размер одной хаты 7 саж. на 2 саж. 1 арш. 3 вершка, другой — 6,5 саж. на 2 саж. Остальные из зарегистрированных в описи 6 хат также построены на две половины, только не со «светлицей», а с коморой через сени. Размер их — от 5 саж. 2 арш. на 2 саж. до 4 саж. на 1 саж. 2 арш. Лишь одна хата здесь построена на одну половину; ее размеры: 3 саж. 2 арш. на 1 саж. 2 арш. 5 вершков.

Если мы сравним площадь всех этих хат, то также получим наглядное представление об имущественном неравенстве домовладельцев. Наиболее богатая хата имеет площадь в 161 кв. аршин, средняя — в 102—117 кв. аршин, а самая бедная (на одну половину) — всего 55 кв. аршин. Но дело не только в площади. В какой-то момент изменение площади влечет за собой принципиальные изменения в пропорциях самой хаты. Если мы попытаемся сопоставить размер «причёлка» (бокового фасада) с размером «чола» (лицевого фасада), то увидим, что в хате со «светлицей» на две половины длина «причёлка» составляет приблизительно третью часть длины «чола»; что в хате с коморой через сени это соотношение дает меньшее число, а в хате на одну половину — еще меньшее. Таким образом, в каждом из трех типов хат (а они принадлежат трем различным по имущественному положению группам крестьян) отношение «причёлка» к «чолу» имеет постоянную зависимость: чем меньше в хате отдельных камер, тем она уже в плане.

Понятно, что такая же зависимость наблюдается и в количестве окон, печей, грубок и дверей. В хате с тремя «светлицами» и одной коморой — 5 дверей, в хатах с коморой и одной светлицей — 4 двери, в хатах с коморой без светлицы — 3 двери, а в хате на одну половину — 2 двери.

Различия, хотя не столь заметные, наблюдаются и в строительной технике. Почти все хаты Лысянского Пригородка поставлены в сруб. Лишь в одной из бедняцких хат жилая часть поставлена в сруб, а комора — «в шули» и «деревом закидана», а стены в сенях сделаны из жердей («лїсяни»). Потолки, полы и крыши во всех хатах сделаны из одинаковых материалов: потолки деревянные, полы глиняные мазаные, а крыши соломенные «на кроквах». Зато трубы неодинаковы. Лишь в трех наиболее богатых и наибольших по размерам хатах трубы кирпичные и выведены над крышей. В остальных хатах трубы сплетены из лозы и обмазаны снаружи и изнутри глиной. В самых же бедных хатах труб совсем нет: дым выходит на чердак, а оттуда наружу через отверстие в крыше.

Но если хаты Лысянского Пригородка богаче и крупнее оратовских, то хозяйственных построек здесь значительно меньше. Все крестьянские сараи здесь конструктивно одинаковы — на «сохах» и на «присохах», плетены из лозы, крыши соломенные «на ключках», но по размерам они весьма различны. Лишь один хозяин, владеющий хатой на три светлицы, имеет сарай размером 5 на 2 саж., у остальных крестьян сарай обычно размером 3 на 2 или 3 на 1½ сажени. Погребов имеются лишь у трех хозяев. Все они земляные на «присохах» — это самые примитивные по конструкции погреба, но даже и они, как мы видим, были достоянием далеко не всех крестьян.

Приведенные данные показывают, что классовое расслоение крепостного крестьянства на Киевщине в первой половине XIX в. проявлялось не только в размерах жилых построек, но и в изменении их пропорций, конструктивных приемов и т. п. То же касается и хозяйственных построек, размеры и состав которых были неодинаковы.

Рассмотренные выше описи крестьянских дворов позволяют также констатировать, что параллельно тому, как у одной группы крестьян их жилье и хозяйственные постройки увеличивались в числе и улучшались, а у других крестьян эти постройки деградировали, неуклонно возрастала третья группа крестьян — лишенных собственного жилья. В связи с этим отдельные хозяева среднего достатка вынуждены были принимать бездомных крестьян к себе и этим ухудшали собственные жилищные условия; другие же крестьяне, богатеи, использовали свободную жилую площадь для сдачи ее в наем и превращали, таким образом, жилье в источник дохода.

Так еще в первой половине прошлого века в украинской деревне начали складываться новые жилищные условия, по существу сходные с жилищными условиями, существовавшими в то время в городах.